

ЗА ВЫСОКУЮ КУЛЬТУРУ ХОРОВОГО ПЕНИЯ

За последние несколько лет внимание общественности все чаще привлекает состояние нашего вокального искусства. Отмечая успехи советской вокально-исполнительской школы в целом, высоко оценивая мастерство лучших певцов и певиц, гордясь музыкально-сценической культурой крупнейших оперных театров страны, слушатели законно претендуют к советским вокалистам свои претензии. Претензии этих не мало, и они несмысли серьезны.

Никто, например, не может скрыть того факта, что оперные театры и концертные организации испытывают острую нужду в высококвалифицированных певческих хорах, что даже на сценках водящих театров выступают иногда солисты, явно не отвечающие в вокальном отношении со своими партиями. Ни для кого не секрет, что для партий грамматических темпов, сопрано, контратона некоторых других в некоторых оперных коллективах вообще нет сколько-нибудь пригодных по своим профессиональным знаниям исполнителей.

Законное беспокойство вызывает и быстрая снашиваемость голосов у певческих профессионалов. Не успев тот или иной талантливый молодой вокалист обладать певческим мастерством, завоевать успех у публики, как голос его начинает погреться, тембр теряет блеск и красоту, и не редко уже к 40—45 годам ему приходится уходить со сцены.

Перечень наших вокальных без лягво можно продолжить. Но не в этом дело. В сущности говоря, все наши недостатки сводятся к одному — разуму несоответствию уровня вокального мастерства, значительной части оперных, коровых коллективов, ансамблей песни и пляски и непрерывно возрастающим художественным запросам народа.

Мы хотели бы остановиться на одном вопросе, решение которого, кажется, будет иметь существенное значение для дальнейшего роста как советской вокальной культуры, так и всего нашего музыкального искусства. Это — состояние хорового пения в нашей стране.

Немного истории

Как известно, русская хоровая культура уходит своими корнями в глубь веков. Развиваясь на протяжении столетий по прямому пути, как хоровая музыка без сопровождения, наше национальное музыкальное искусство уже в школе XVII века накопило богатейшие самобытные традиции хорового творчества и исполнительства. О необычайно высоком уровне хоровой культуры в России того времени красноречиво свидетельствует хотя бы то, что музыкальная ткань так называемых спартаковских концертов некоторых авторов для хора в сарделе доходила порой до 24 голосов и, следовательно, требовала как от исполнителей, так и от слушателей серьезной музыкальной подготовки.

И в дальнейшем, во времена становления и развития русской инструментальной музыки, в последующую пору формирования, созревания и расцвета русской музикальной классики, в духу таких типов, как Глинки и Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков и Бородин, наша отечественная хоровая культура, неизменно связывая с величайшими житейскими историями полифонической по природе своей русской народной песни, непрерывно росла и крепла. Произведения для хора композиторов XVIII и начала XIX столетий Бородинского, Бортического по блистательности, неизменно обогащавшие хоровую культуру в России тех времен, краски хорового звучания вполне могли встать рядом с прославленными творениями Генделя и Иоганна Себастьяна Баха. Огромный, неоцененный вклад в хоровое искусство внесли оригинальные хоровые произведения и хоровые сцены из опер Глинки, Чайковского, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина, Танеева, Римского-Корсакова, Рахманинова.

Беды были ужасны, достигнутые русскими исполнительскими хоровыми коллективами. Всемирную славу стянула себе Петербургская придворная певческая капелла (ныне Ленинградская академическая капелла). Творчество этого старейшего русского профессионального хора, в котором работали Бортический, Балакирев, Римский-Корсаков, Аренский, на протяжении многих десятилетий привлекало восторг слушателей. Берлио, ссыпавший капеллу в Петербурге в 1847 году, говорил: «Справить хоровое исполнение Синтистской капеллы в Риме с этим именем певцов... — то же, что и сравнивать поэтическим малярным группу птицы третьячестинного итальянского театра с оркестром Парижской консерватории». Огромным успехомользовались в аудитории Московского синодального хора, капеллы Шереметева в Петербурге.

Характерной чертой в развитии русской хоровой культуры всегда была ее массовость, прончность, неизразимая связь с жизнью. Благодаря незнанию наших музыкантов к истории русской хоровой музыки об этом многие уже забыли. А между тем Петербургская придворная капелла и Московский синодальный хор никогда не смогли бы достичь такого расцвета, если бы за них не стояли сотни и тысячи высококвалифицированных хоровых коллективов (меломаны), что в единой Москве их было свыше 60), если бы они не имели возможности, заполняя одно взаконное место хористами, выбирать из трехсот четырехсот одинаково достойных конкурентов.

В России «песни хорам всему» — на смену звучанию и народной гусли, в церкви и в школе. Песни помогали русскому человеку на работе, украшали его отдых, сопровождали буквально от рожени до могил. И глубоко прав был Гоголь, когда писал: «Пожалите мне мародов, у которого бы больше было песен». Действительно, трудно назвать другую страну, в которой письменное и хоровое искусство было одновременно статью массовой и столь высококультурной.

Немало музыкантов-профессионалов и просто знатоков и ценителей хорового искусства всю свою жизнь отдали пропаганде русского письменного и хорового творчества. Имена их по «традиции», укоренившейся в нашем музыкальном, стоят обычно на

втором плане в истории русской музыки. Многие звезды, об иных же принято говорить лишь в преждевременных тонах. Как это несправедливо! Исполнительская деятельность Г. Я. Ломакина или В. С. Орлова сыграла в развитии русской отечественной музыкальной культуры не меньшую роль, чем пианисты Балакирев и Антона Рубинштейна, дирижерская работа З. Ф. Направника, скрипичная игра Леопольда Ауера. Хор Стасинского при всех своих недостатках был высококвалифицированным. Мало кто сделал так много для пропаганды во всем мире русской письменно-хоровой музыки, как он. У нас же тщетно его забывают и вспоминают в таких людях, как Ю. Н. Голицын, который отдал все свое состояние делу русской хоровой музыки и попадал из-за этого в Лондон в колючую тюрьму. А ведь если бы не было подобных анизамблов, русское хоровое искусство развивалось бы с большими трудностями! Нельзя забывать также, что смешное хоровое пение в дореволюционной России не поощрялось и поддержкой властей пользовалось по преимуществу лишь художественное православное пение. При всей воспитанности и консервативности нашей хоровой культуры ширши. Плохо то, что со многими из них фактически не ведется энергичной борьбы, и результатом этого и создалась остройшая нехватка квалифицированных хоровых кадров.

Пение — труднейшее искусство. Вряд ли кто-нибудь решится возражать против того, что научиться хорошо петь ничуть не легче, чем овладеть техническими трудностями игры на фортепиано или на скрипке. И, однако, все находит естественным, что пианисты и скрипачи начинать обучаться с раннего детства, а певцы, в лучшем случае, с 18—20 лет. До сих пор неизвестно никому, сомневающимся в целесообразности пения в детском возрасте и считающим, что начинать петь можно только тогда, когда организм человека окончательно созреет.

Трудно даже понять, на чём основываются защитники «теории» вредности детского пения. Уже много лет существует детское пение, и, однако, этот факт не вызывает возражения ни у одного из великих музыкантов всех эпох. Конечно, бывает случаи, когда у человека, певшего в детстве, потом проявляет голос. Но с таким же успехом можно говорить о предрасположенности раннего обучения игре на скрипке на том основании, что многие юные скрипачи, бывшие в своем время вундеркиндами, в зрелом возрасте становятся весьма посредственными музыкантами или даже оказываются вынужденными виду отсутствия необходимых знаний менять профессию. Учиться пению в детстве не зряло, а что действительно вредно, — так это есть в равнении наружного выражения, несущего в себе опасность вырождения. В этом выказываеться Патинский призыва к интенсивности, глубости хорового изучания.

Большинство изучаемых в школе, в детском саду, в самодеятельных коллективах и на фестивалях хоровиков и народных хоровиков, в частности, вспомогают развитие русской хоровой культуры. Ведь пение в сарделе, а не в сарделе, уточняет слух, приводит тщательно вслушиваться в звучание голоса, помогает певцам находить новые и новые вокально-тембральные краски.

Новый подъем

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла беспримерные просторы для художественного творчества народов мира. Вместе со всем советским искусством уровня вокального мастерства, значительной части оперных, коровых коллективов, ансамблей песни и пляски и непрерывно возрастающим художественным запросом народа.

Новый подъем отмечен началом советского периода творческой деятельности старейшего русского профессионального хора — Ленинградской академической капеллы. Непрерывно обогащая свою репертуар, Ленинградская капелла продолжала в 20-е годы под руководством М. Г. Клименко оттачивать и наращивать свое мастерство. Большой вклад был, в частности, внесен в те годы в пропаганду песенного творчества народов СССР и таких значительнейших, но долгое время не исполнявшихся произведений русской и зарубежной хоровой культуры, как «Престран» и «По прочтении псалма Танеева», «Рай и Нир» Шумана, «Осуждение Фауста» Берлио.

Крупным событием в истории хорового искусства явилась организация Ансамбля песни и пляски Советской Армии. Под руководством талантливейшего хорового дирижера А. В. Александрова ансамбль быстро превратился в первоклассный хоровой коллектив, исполнительский стиль которого, органически сочетающий масштаб и общедоступность с вы古今и профessionnalismom, предстал перед глазами зрителей как новый этап в развитии хорового искусства.

Творчество этого ансамбля оказалось, огромным влиянием на развитие советской хоровой культуры. Оно послужило образцом для dozenskoye изучения письменной и народной певческой школы.

Большую роль в становлении советской хоровой культуры сыграли певческие капеллы (ныне Ленинградская академическая капелла). Творчество этого старейшего русского профессионального хора, в котором работали Бортический, Балакирев, Римский-Корсаков, Аренский, на протяжении многих десятилетий привлекало восторг слушателей. Берлио, ссыпавший капеллу в Петербурге в 1847 году, говорил: «Справить хоровое исполнение Синтистской капеллы в Риме с этим именем певцов... — то же, что и сравнивать поэтическим малярным группу птицы третьячестинного итальянского театра с оркестром Парижской консерватории».

Огромным успехомользовались в аудитории аудитории Московского синодального хора, капеллы Шереметева в Петербурге.

Характерной чертой в развитии русской хоровой культуры всегда была ее массовость, прончность, неизразимая связь с жизнью. Благодаря незнанию наших музыкантов к истории русской хоровой музыки об этом многие уже забыли. А между тем Петербургская придворная капелла и Московский синодальный хор никогда не смогли бы достичь такого расцвета, если бы за них не стояли сотни и тысячи высококвалифицированных хоровых коллективов (меломаны), что в единой Москве их было свыше 60), если бы они не имели возможности, заполняя одно взаконное место хористами, выбирать из трехсот четырехсот одинаково достойных конкурентов.

В России «песни хорам всему» — на смену звучанию и народной гусли, в церкви и в школе. Песни помогали русскому человеку на работе, украшали его отдых, сопровождали буквально от рожени до могил. И глубоко прав был Гоголь, когда писал: «Пожалите мне мародов, у которого бы больше было песен». Действительно, трудно назвать другую страну, в которой письменное и хоровое искусство было одновременно статью массовой и столь высококультурной.

Немало музыкантов-профессионалов и просто знатоков и ценителей хорового искусства всю свою жизнь отдали пропаганде русского письменного и хорового творчества. Имена их по «традиции», укоренившейся в нашем музыкальном, стоят обычно на

А. СВЕШНИКОВ

Изначалась типичным шиком. Теперь же, испытавший багатый творческий опыт русской музыки, он создает свое собственное национальное хоровое искусство. Факт этот не единичен. Последуя на ногах народных просторах нашей Родины хоровое пение приобретает все большую популярность, походит вице-чемпион и чаше организовывается масштабные праздники песни.

Однако хоровой гармоничный, хармонический слух.

К слову, хочется напомнить, как относятся к хору корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

К слову, хочется напомнить, как относятся к хору корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с просьбой: «Разрешите мне петь в хоре, чтобы подпитать свой слух».

А теперь мы сплошь и рядом наблюдаем в хорах корифеи русской хоровой школы Ф. И. Шаляпин, Но воспоминания И. Дубравина, Федор Павлович, будущий уже всемирно известным певцом, передает прихода на репетиции в Марининский театр, обращаясь к хористам с пр

Начинается новый театральный сезон

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

26 августа, после летнего отпуска, собирается труппа Большого театра Сокола ССР. Вчера же начались репетиции спектакля текущего репертуара. Открытие сезона назначено на 1 сентября.

Первой новой постановкой сезона станет балет композитора С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке», написанный по мотивам поэтических сказов П. Бажова. Спектакль станет балетмейстером Л. Лавровским, оформят Т. Стороженецкая, дирижирует Ю. Файер.

Будет возобновлена опера А. Серова «Водяная».

Завершается постановка оперы Бетховена «Фиделио». Н. Бирюков осуществил новую литературную редакцию либретто. Спектакль сплит режиссер Б. Покровский, художник А. Константиновский, дирижер А. Мадж-Пашаев.

Театр готовит также новую постановку одноименного спектакля Римского-Корсакова — оперу «Сказание о граде Китеже». Новую редакцию либретто сделал поэт С. Городецкий.

В этом сезоне будут заново поставлены и оформлены оперы «Никоновская дача», «Грачья» и балет «Вальцмейерский фонтан».

ЛЕНИНГРАД

Ленинградские театры готовятся к новому сезону. 29 августа начинаются спектакли в Театре имени Ленинского комсомола, который предполагает ежемесячно устраивать традиционные встречи со зрителями. На спектаклях будут обсуждаться новые спектакли, текущая работа и творческие планы трупп.

Завершаются реставрационные работы по отделькам Академического театра драмы имени А. С. Пушкина, замечательного творения архитектора Б. Росси. Свой 121-й сезон театр — один из старейших в стране — откроет 3 сентября спектаклем «Лермонтов».

Первым после летнего перерыва начал спектакли Ленинградский драматический театр.

ПЕТРОЗАВОДСК

5 сентября открывается сезон в Петрозаводске Карело-финский драматический театр. Ближайшая премьера — «Большое чудо». Л. Ленч и постановщик молодого режиссера Т. Ивановой. До конца года будут показаны «Любовь из расстроек» И. Галана, «Змыны» М. Германа. Театр работает также над новой пьесой местного драматурга У. Викторова.

К октябрю в Петрозаводске вернется республиканский Театр русской драмы. До открытия сезона коллектив будет показывать спектакли в районных домах культуры и на доспектаклях. В респектабельных плащах театра — «Дети сопаса» М. Горького, «Чечель моей земли» А. Буниной и О. Савича, «Страна жизни» В. Розова.

Театры Карело-финской ССР готовятся отметить 90-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти А. И. Чехова. Драматический театр покажет в ливаре возобновленный спектакль «Вишневый сад». Театр русской драмы — «Дядя Ваня».

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

24 августа вышли пьесы в этом году Минское художественное училище. Они направлены на работу в средние школы, учреждения и на предприятия.

★ Концерт для рабочих поселка Заболотного Краснокурского края недавно даёт бывший артист красной артели. Артист побывал в других таских поселках.

★ Областная выставка произведений изобразительного искусства открылась во Владикавказе. На ней представлено более ста живописных и графических работ художников С. Зайкова, Н. Виссарионова, С. Чеснокова, А. Морозова, М. Виссарионова и других.

На кануне

1. Надпись на фронтонах

Несколько ярко и оживленно в эти дни на Ленинских горах. Одна за другой вились склоны тяжелые машины, везущие гравийный грунт — точные приборы, закрытые в бронзоватых чехлах, сотни томов редчайших книг, ящики с гербариями, сенами, минералами. В руках у наставников, заполненных автобусов и легковых машин, свечки, чернильницы, синтикт карт. Регулировщики спешат, поскольку пронести этот бесконечный поток людей и машин. Нельзя терять ни минуты: осталось уже не дня, а считанные часы до до-гостинственного открытия, когда откроются здания университета.

Завершилось большое переселение. На новые места, в новые светлые помещения доставляют учебники и приборы, библиотеки и книгоиздательства, лаборатории и музеи. Переезжают факультеты: географический, геологический, механико-математический, физический, химический.

Хороши сейчас Ленинские горы! Деньги, если не тратить на личный жалованье, разные чиновники стоят по краям подъездных путей. Прекрасные ленинские места, как говорят, смыкаются дорожками, ведущими к главному входу. Домашевые телевизоры соединены нарядными фонтанами, ярко-красочные струи на молодые растения ботанического сада. На берегу Москвы-реки, взявшись под руки, прокладывают яркие юношеские и девушеские аллеи: может быть, это и есть то спасительное, в которых первый раз студенческий порыв сошелся вот с этим замечательным им.

Студенческая пора! Сколько воспоминаний течет в эти минуты, полные радостных надежд. Ведь это здорово, на Воробьевых горах, бродить в раздумье о судьбах родных: студент Александр Герцен. Здесь слагают свою воспоминательную строку юный Огарев. Здесь в «Татьянин день» юные юноши-юноши после московских студентов. И здесь же из тайных студенческих склонов вспыхнула боевая легенда «Витрия враждебные земли наст...».

Студенческая пора! Помнятся рабфаки, яркий свет ярославской лампы на раскрытом книжном ящике, теплые и шумные общес-

Большим успехом пользуются в шахтерах выступления самодельных кружков Дворца культуры шахты «Юнион» Ставропольской области (Донбасс). Особенно людо всегда на спектаклях театрального коллектива. Высокую оценку зрителей получила одна из последних постановок самодельных артистов — «Жизнь начинается снова» В. Собко.

На снимке: почетный шахтер П. Криклин со своей семьей в зале Дворца культуры во время спектакля самодельного коллектива.

Фото А. Хадле.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Пятьдесят лет служения театру

О деятелях русского провинциального театра написано очень мало, поэтому с особым интересом открылась вышедшее издание книги А. Клиничина «Николай Христианович Рыбаков».

Автор очень удачно выбрал тему исследования: Рыбаков принадлежит к тем актерам прошлого, которых следует писать в первую очередь. Его творчество обнимает вторую и третью четверти XIX столетия (1826—1876). Эти пятьдесят лет в истории русского театра — время, отличное грандиозными сдвигами. Рыбакову жизнь шла «из ноги в ногу» с народом. Свой путь актера он начал еще в классических трагедиях и романтических драмах 20—30-х годов, а по-настоящему раскрылся его дарование в пьесах Островского. Путь огромный! Уже это одне говорит о том, каким исключительным дарованием обладал Рыбаков, как пытливо искал он дорогу к подлинно реалистическому искусству.

Островский — художник, не терпевший ни малейшей фальши в сцене, — считал Рыбакова актером мирового масштаба. Островский целиком обратился за тех, кто сознательно принадлежал к самодельным достижениям великого национального художника: «Вот что значит быть иностранным!»

Самодельный горячо любил замечательного актера и навсегда запечатлел его образ. Но не помнит знаменитый реплик тридцатилетней назад: «Несчастливцев из комедии «Лес»? — «В последние разы в Лебедине играл я Белинский, сам Николай Христианович Рыбаков смотрел».

«Сам Николай Христианович...» Рыбаков был признанным главой огромной армии русского провинциального актерства, наиболее выдающимися ее представителями. В нем соединились лучшие черты тружеников русской сцены: благородство и бескорыстие, мужество перед лицом житейских нештед, смелость высоким идеалам приверженца.

В книге А. Клиничина подробно рассказывает о многогранный жизни подлинного народного актера, о его многосторонних скитаниях по десяткам городов и театров России. Дважды, уже будучи знаменитым артистом, Рыбаков пытается вступить в труппу императорских театров. И оба раза, несмотря на удалчные дебюты, был вынужден снова возвращаться в провинцию. Актер смелого и независимого характера, Рыбаков пришел не в поиски чиновников из администрации императорских театров; «По талан-

ту я иду вперед», — это главная мысль «Сказаний» Рыбакова.

История жизни и творчества Рыбакова — это пример первого, неустанных служения художника своей Родине, своему народу.

Книга А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

Благодаря книге А. Клиничина, Рыбаков вновь становится популярным среди читателей. Важно, что книга написана вспомогательным языком, языком зрителя, языком театра.

А. Клиничин пишет о Рыбакове просто и ясно, как о герое, как о герое.

Книга А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

В книге А. Клиничина написана просто и ясно, без изысков и излишеств.

